

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Подснежник

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Подснежник
Серия «Сибирские рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=324482

Аннотация

«– Васька, и нет у тебя стыда ни капли... Погляди-ка ты на себя-то, на рожу-то на свою... Ох, погибель ты моя, Васька, не глядели бы на тебя мои глазыньки!..

– Мамынька...

– Какая я тебе мамынька?.. Другим матерям дети-то на радость, а мне петля на шею. По станице идешь, так все пальцами тычут: вон Васькина мать идет. Приятно это матери-то, когда проходу нет от твоих качеств?..»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Подснежник *Очерк*

I

– Васька, и нет у тебя стыда ни капли... Погляди-ка ты на себя-то, на рожу-то на свою... Ох, погибель ты моя, Васька, не глядели бы на тебя мои глазыньки!..

– Мамынька...

– Какая я тебе мамынька?... Другим матерям дети-то на радость, а мне петля на шею. По станице идешь, так все пальцами тычут: вон Васькина мать идет. Приятно это матери-то, когда проходу нет от твоих качеств?..

– Мамынька...

– И не смей ты этого самого слова выговаривать, а то проклянущу... Лучше уйди с глаз долой...

Страшный контраст представляли эти два споривших голоса, старая казачка Ульяна так и дребезжала, точно треснувшее стекло, а грубый голос Васьки гудел такой полной нотой, как гудит ворвавшийся в комнату шмель. Впрочем,

достаточно было взглянуть на действующих лиц, чтобы понять эту разницу: высохшая, как щепка, Ульяна казалась девочкой рядом с своим сыном. Он сидел на лавке в накинута на плечи татарском азяме и в белой войлочной киргизской шляпе на голове; красная кумачная рубаха врезалась воротом в красную могучую шею, а из широких киргизских кожаных шаровар, расшитых когда-то шелком, выставлялись голые ноги. Удивительный был человек этот Васька; он казался каким-то выходцем среди остальной человеческой мелочи, точно сорвался с какого-нибудь свитка увертливого московского подьячего, где означены были такие приметы: «волосом рус, кудреват, борода тоже русая, окладом надвое, над левой бровью к носу сечено на-полы да затерто зельем, глаза быстрые, из себя кряжист» и т. д. Такие молодцы родились только в разинской Руси, и сама Ульяна не могла дать толку, в кого мог Васька уродиться таким богатырем.

– Мамынька, а... дай двоегривенный...

Именно этого и ждала Ульяна и вся точно вскипела: этакий лоб пришел обирать у матери последние деньги! Легкое место сказать: двоегривенный... Ведь ей, старухе, и в неделю его не выработать на пряже или полотьем гряд, а он все равно снесет его в кабак, двоегривенный-то. Взбешенная этой просьбой, Ульяна кинулась к сыну с кулаками.

– Двоегривенный, а?... – визжала она, наскაკивая на своего богатыря. – Ты думаешь, я на тебя и управы не найду... а?... Сейчас побегу к атаману... Будет мне терпеть от тебя!

Старуха бросилась к двери, но вернулась и опять кинулась на Ваську с какой-то яростью, как раненый зверь.

– Да ты с кем разговариваешь-то, беспутная голова! – уже хрипела она и ловким ударом по затылку сшибла белую шляпу с Васькиной головы. – Бога-то хоть побойся... лезешь в шапке в избу, как орда какая...

Васька покорно нагнулся, чтобы поднять с полу шляпу, и свесившиеся русые кудри закрывали его лицо до самых усов. Разогнувшись, он исподлобья посмотрел на мать, движением головы откинул волосы назад и, улыбнувшись, проговорил:

– А ты погляди, мамынька, вот на это...

Скинув с правого плеча азам, Васька открыл висевшую, как плеть, руку: красная рубаха была разорвана, и на самом плече вздулся сине-багровый пузырь с кулак величиной. Ульяна только жалобно ахнула и зашаталась на месте.

– Васенька, голубчик, кто это тебя изувечил? – закричала она, привычным глазом осматривая кровоподтек. – Ах, разбойники!.. Ужо я тебе разотру в бане да травки приложу. Кость-то хоть цела ли осталась, а мясо заживет... Ах, разбойники, душегубцы проклятые!..

– У башкыр на байге¹ был... – бормотал Васька виновато. – Ну, так оглоблей и зацепили... В голову, подлецы, метились, да только промахнулись.

Я был единственным свидетелем этой сцены, потому что занимал небольшую комнату рядом. Собственно говоря,

¹ Байга – скачки у башкир.

первая ее половина представляла довольно заурядное явление, потому что Васька частенько завертывал к матери за двоегривенными и получал безропотно жестокую головомойку, но теперь весь интерес сосредоточивался на неожиданном финале. Когда я показался на пороге, Ульяна жалобно запричитала, – свое, домашнее горе при постороннем человеке казалось еще больнее.

– Перестань выть, – останавливал ее Васька. – Не велика важность... Не это видывали...

– Где это тебя, Василий, угораздило?

– Да так, неустойка небольшая вышла... Уж и здоров же башкыретин попался мне: дерево дубовое. Как звезданет оглоблей...

– Ты бы к доктору съездил, – посоветовал я, с ужасом разглядывая синий пузырь на плече.

– Ничего, так износим... Вот мамынька разотрет в бане да травкой полечит.

– И то полечу, – упавшим голосом повторяла за сыном убитая горем Ульяна. – Есть и травка такая...

Как все старые казачки, Ульяна умела лечить всякие ушибы и раны, – в прежние времена, когда под Уметом проходила «линия», без этого было нельзя. Увлечшись медицинскими соображениями, старуха позабыла о «двоегривенном», а только охала и быстро что-то искала по разным печуркам, на полатах и в сундуке под лавкой. Нужно было видеть, с какой ловкостью Ульяна принялась растирать ушибленное место,

а потом перевязала его.

– Ну и башкыретин попался! – бормотал Васька, покручивая кудрявой головой. – Ка-ак размахнется... ну и черт!..

Когда перевязка кончилась, в руках у Васьки появился точно сам собой двоегривенный, – это сунула Ульяна, уже без всякой просьбы, точно она хотела утешить поврежденное детище. Она выскочила за ворота, провожая уходившего в кабак Ваську. Он и шел не так, как другие, по самой середине улицы, волоча по пыли одну полу азяма. В дверях кабака ждала возвращения Васьки кучка кабацких завсегдатаев. Когда низенькая, расщелившаяся и захватанная грязными руками кабацкая дверь проглотила могучее Васькино тело, Ульяна вернулась в избу и, повалившись на лавку, глухо зарыдала. Нужно же было выплакать свое старое горе, свою материнскую любовь и женскую беспомощность.

Эта живая картинка с натуры расстроила обычный порядок моего дня. Я долго ходил по комнате, прислушиваясь к подавленным всхлипываниям Ульяны, и какое-то тяжелое и гнетущее чувство мешало приняться за обычную работу, точно и комната сделалась вдруг меньше, и воздух сперся, и какой-то мертвой истомой дохнуло в открытое оконце с накаленной летним степным солнцем улицы. В такие жаркие июльские дни станица Умет точно вымирала. Даже станичные собаки и те исчезали неизвестно куда. Действительно, степное солнце жжет так немилосердно, что не хочется двигаться, да и некуда, если бы даже явилась к тому охота, –

кругом станицы разлеглась ковыльная степь, желтым ковром уходившая из глаз. Лес был вырублен самым безжалостным образом, и кизяк служил единственным топливом. Дождя не было уже около двух недель, и солнце по утрам поднималось в дымном мареве, красное и громадное, точно только что раскаленное где-нибудь в кузнечном горне. Жизнь в станице проявлялась только по утрам и вечерам, когда спадал степной зной.

– Ульяна, поставь мне самовар, – проговорил я наконец, чтобы хоть этим отвлечь внимание бедной старухи от ее горя.

– И то поставлю, барин, – отозвалась она своим обычным заботливым тоном. – Вон какая жарынь на дворе... Спалило совсем.

К особенностям Ульяны принадлежала способность необыкновенно быстро двигаться, хотя старухе было уже под семьдесят. Когда она спала, я не знаю, потому что в течение двух недель постоянно видел ее на ногах. Домик Ульяны в станице был лучшим, и я занимал в нем отдельную комнату, убранную с некоторой претензией на удобства. Беленая печка, деревянная кровать за ситцевым пологом, зеленый шкаф для посуды, оклеенный обоями передний угол и несколько деревянных стульев говорили о лучших временах, когда еще был жив муж Ульяны, станичный атаман. Она была дочерью атамана и вышла замуж за нового атамана. Впрочем, это было только одно громкое слово, так как станичные атаманы

оренбургского казачьего войска мало чем отличаются от других рядовых казаков.

II

За самоваром по вечерам у нас с Ульяной велись длинные, душевные разговоры. Старушка любила чай, но должна была отказывать себе и в этом единственном удовольствии, потому что какие старушечьи недостатки, а от Васьки немного поживишься. Поставленный в неурочное время самовар сейчас являлся для Ульяны лучшим утешением, хотя она, по обычаю, из вежливости и отказывалась от чая. В этой высохшей старушке было так много деликатности и какой-то детской застенчивости, чем она мне особенно нравилась. Глядя на нее, так и казалось, что это уже не человек, а одна тень, – жизнь оставалась позади, в далеком прошлом. Переходы от одного чувства к другому совершались в ней тоже с детской быстротой, и, выпивая вторую чашку, Ульяна уже улыбалась.

– Васька-то, беспутный, на какого башкыретина натакался! – повторяла она с улыбкой, покачивая маленькой головкой, как у сушеной рыбы, точно говорила о ком-то постороннем. – А не ходи на байгу, не связывайся с ордой... Все равно уходят когда-нибудь, – прибавила она уже совсем равнодушно.

– Кого уходят, бабушка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.